

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

МОДИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ЗОНЕ (СЛОВА С НАЧАЛЬНЫМИ ПЛАВНЫМИ)*

Описывается известная русским говорам лексика, возникшая на базе слов с начальными плавными согласными и изменившая фонемный состав корневой морфемы. Классификация лексики проводится на основе выявленных процессов преобразования анлаута с **р-** и **л-**: утраты плавного (*áлаки* < *láлаки*, *рукотér* < *укотерáт*, *илóвый* < *лилóвый*, *ебró* < *ребró*); развития протетического гласного перед плавным (*орáйский* < *ráijskij*, *улúпы* < *lúpy*); метатезы начальных звуков (*урбáнок* < *рубáнок*, *ерéст्र* < *реéст्र*); мены плавных звуков (*рипóк* < *липок*, *лянда* < *рянда*). Подобные факты обнаружены в группе слов с вторичным, «промежуточным» **р-/л-**-анлаутом (*арабéльки* < *грáбелъки*, *улько́за* < *глюко́за*). Даётся ареальное описание модифицированной лексики. Причины изменений кроются в воздействии структуры агглютинативных языков на русскую лексику в течение длительного со-существования народов на территории России.

Ключевые слова: диалектная лексикология, этноязыковые контакты, фонетические процессы, структурные преобразования, анлаут

Исторические процессы, проходящие на территории России на протяжении веков и тесно сопряженные с миграцией населения, нашли яркое отражение в лексическом составе русских народных говоров, макросистема которых характеризуется наличием развитой вариантности. Среди факторов, способствующих формальному преобразованию лексемы [1], [2], [11], [15], отмечается «влияние на говор иноязычной стихии и вариантность заимствованного слова как результат его адаптации русским говором» [1: 99]. Однако при длительном и непрерывном взаимодействии народов, особенно в условиях билингвизма, языковые контакты не ограничиваются приспособлением чужого слова к фонетической системе принимающего языка. Весьма существенным является обоюдное формальное действие на внешний облик слов структурно различных фонетических систем. Длительные контакты приводят к усвоению носителями одного языка некоторых свойств другого языка. Сталкиваясь с несогласованностью элементов структуры родного и принимаемого языков, билингв испытывает естественное давление своей языковой стихии, особенно на начальном этапе перехода на чужую речь. Происходит изменение облика слова под влиянием иноэтнической языковой системы. Носители иноструктурных языков, перешедшие на русскую речь, и их потомки сохраняют модифицированную лексику, которая в определенных условиях функционирования со временем частично остается в индивидуальном употреблении и в связи с этим изолированной, частично входит в русскую диалектную лексическую систему. Согласно теории Г. П. Мельникова,

процесс преобразования исконного русского слова в этих условиях связан с такими явлениями, как *«исходное внутреннее состояние, характеризуемое интенциями к изменению, причастное внешнее состояние, содействующее превращению этих интенций в экstenции, предельное внутреннее состояние, возникающее в результате перехода в него исходного состояния благодаря содействию со стороны причастного»* [7: 47]. Слова, подвергшиеся сильному влиянию иноструктурной языковой системы и изменившие по этой причине внешний облик, то есть имеющие *«предельное внутреннее состояние»*, относим к особому разряду диалектизмов – экstenциальным лексическим единицам [8].

Исторически сложилось так, что русский язык веками контактирует с тюркскими и финно-угорскими языками, относящимися к разряду агглютинативных, которые характеризуются такой особенностью звукового строя, как противопоказанность использования сонантов в начале корня [7: 347]. Исследователями выявлены общие черты консонантной системы тюркских языков: «Обычны ограничения на встречаемость согласных фонем в позиции начала слова, тенденции к ослаблению начальной позиции, ограничения на сочетаемость фонем. В начале исконного тюркского слова не встречаются *l*, *n*, *λ* (> *š*), *ř* (> *z*)» [12: 158]. Изменение внешнего облика слова с **р-** и **л-** в полиэтнических зонах иногда весьма существенно. В этимологическом гнезде исходной единицы с начальными **р-** и **л-** могут находиться слова как близкие, так и далекие по фонемному составу корневой морфемы, ср. *рукотérка* – *укотérка* – *котéльник*, *литерáтура* –

ильтерату́ра, ромодá (< громáда) – ирмадítъ, ráдуга – дугáра и др.

Цель данной работы – представить известную русским говорам экстенциальную лексику, возникшую на базе слов с начальными плавными согласными; показать процессы преобразования анлаута с **р-** и **л-**; дать ареальное описание; определить причины изменения фонемного состава слов. Материалом служат данные диалектных словарей русского языка.

Экстенциальная лексика, имеющая в качестве исходных слова с начальными плавными, возникла под действием таких процессов, как исчезновение согласного в анлауте, появление протетического гласного, метатезы звуков, мены плавных. Подобные результаты возможны и при образовании экстенциальной единицы на базе исходного слова, в котором начальные **р-** или **л-** квалифицируются как вторичные, не исконные. В основе предлагаемой классификации лежит процесс, который привел к модификации лексики.

1. Утраты плавного в анлауте: та- > а-

Варианты с утраченными твердыми плавными перед гласными непереднего ряда представлены у единичных лексем.

Перед [а] утрачивается звук [л-]: **ла-** > **а-**. Слово **лаборантка** на узкой территории псковских говоров преобразовалось в **аборантка** Оп. Пск.¹

В северо-западных, северорусских и некоторых сибирских говорах известно слово **лалока** ‘десна’ Пск., Осташк. Твер., Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Новг., Пудож. КАССР, Холмог. Арх., **лалаки** ‘десны’ Вытегор., Пудож. Олон., Олон., Холмог. Арх., Волхов. Ленингр., Твер., Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев. Тарт. Эст. ССР, Енис.

Слово **лалока**, **лалъкъ** отмечено в церковнославянских памятниках в значении ‘мягкое нёбо, рот’, известно всем славянским языкам, кроме болгарского, и обозначает челюсть или близкую к ней часть тела; в русских говорах у слов **лалока**, **лалакá**, **лалок**, **лалка** преобладает значение ‘десна’, реже ‘скульпы, челюсти, щеки’ – Новг., Твер., Волог., Калуж. [13].

Отсутствие начального согласного в данных словах известно говорам, расположенным северо-восточнее зоны бытования лексем с начальным **л-**, преимущественно архангельским. При этом различные акцентологические, фонетические и морфологические варианты слов употребляются в разных числовых формах: единственное число – ‘десна’ – **алака** Онеж. Олон., Мез. Арх., **алакá** Мез. Арх., **алák** В.-Т., Нянд. Арх., **алакó** В.-Т., Карг., Красн., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Усть-Цильма, Холм., Шенк. Арх., **алока** Онеж. Арх., Луж. Петерб., Мурман., **олокó** Плес. Арх.; множественное число – ‘десны’ – **алакá** Мез., Нянд., Пин., Холм. Арх., **алаки** Пин., Прим. Арх., **алаки** Прим. Арх., Тер. Мурман., **олакá** Онеж. Арх. В безударном положении гласный [а] в оказывающем говоре может заменяться звуком [о]. Архангельский ареал дополняется двумя точками на

территории Псковской области, а именно: **алаки** ‘десны’ Остр. Родовое, Н.-Рж. Октябрь.

В смоленских говорах перед гласным развивается протетический согласный **j-**: **ялки** ‘десны’ Вел., Дем., Рудн., Смол., Ярц. Смол.

Перед [у] утрачивается звук [р-]: **ру-** > **у-**.

Данное изменение касается сложных слов с корнями **рук-** и **тер-**. Незакономерному фонетическому преобразованию подверглись слова **рукотéрник**, **рукотéрка**, **рукотéрок**, **рукотéрт**, обозначающие полотенце или тряпку для вытирания рук². Вариантами слова **рукотéрник** являются **укотéрник** Черепов. Новг., Вят., Вожгал. Киров., Том., Кемер., **укотéрник** Алт., **укутéрник** Орл., Вят., Черепов. Волог., Свердл., Амур., **укутéрник** Амур., **окутéрник** Шенк. Арх., Слобод. Вят., Перм., **укотéльник**³ Кемер. Кемер. Слово **рукотéрка** Медв., Кондоп., Кем., Пуд. Карел., Карг. Арх., Уст., Чаг. Волог. имеет вариант **укотéрка** Уст. Волог. Лексема **рукотéр** Белоз. Волог. явилась исходной для экстенциальных суффиксальных образований **окотéрок** Углич. Яросл., **укотóрок** Чаг. Волог. В первом из них представлено часто встречающееся изменение **у ~ о** в безударном положении, во втором отражается замена мягкого согласного твердым в сильной позиции, что незакономерно для русского языка.

В русских говорах Среднего Урала отмечены два слова, близкие географически: **укотéрт** Богд. Свердл. и **укутéрát** Пышм. Свердл. В последней лексеме, возникшей как вариант предшествующей, содержится дополнительный экстенциальный признак – вставной гласный в конечном сочетании согласных. Его появление, вероятно, обусловлено влиянием особой типологии слогов тюркских языков – отсутствием в исконно тюркских словах сочетаний нескольких согласных не только в начале слова и на стыке морфем, но и в абсолютном исходе слова [3: 528]. Соотношение **укотéрт** – **укутéрát** показывает возможность дальнейшего преобразования экстенциального варианта в условиях соприкосновения разных языковых структур. Данные слова, которые в конкретной микросистеме функционируют как самостоятельные, дают основания для рассмотрения экстенциальных лексических единиц с точки зрения количества приобретенных признаков иноязычной структуры: **укотéрт** – вариант с одним экстенциальным элементом, **укутéрát** – вариант с двумя экстенциальными элементами. В этом отношении интерес представляют и такие единицы, входящие в семантическую группу ‘полотенце для рук’, как **котéльник**, **котéрник**, **лукотéрник**, **рукотéльник** (< **рукотéрник**), более подробно описанные ранее [9]. Если принять в качестве меры один признак экстенциального воздействия на исходное слово, то члены одного этимологического гнезда будут характеризоваться различной степенью (градацией) наличия «неродных» признаков, то есть они могут распределяться по экстенциальной шкале от однокомпонентных до многокомпонентных. Однако

в данной статье вопрос об экstenциальной шкале не рассматриваем.

Обнаружен единичный пример экstenциальной единицы с утратой мягкого плавного перед гласными переднего ряда [и], по схеме **ли- > и-**: **илóвый** ‘лиловый; фиолетовый’ Верхне-Тавд. Свердл., ср. **ливóвый**.

Перед гласным [э] звук [р'] заменяется среднеязычным: **р' - ~ j-**. Это явление представлено группами слов с двумя корнями, занимающими разные, но близкие ареалы Восточной зоны севернорусского наречия.

В говорах Костромской группы и некоторых соседних в значении ‘ребро’ известны варианты: **ебró** Молог., Ростов. Яросл., Белозер. ‘ребро в теле человека или животного’ Аньков., Ильин.-Хован. Иван., Борисоглеб., Некоуз., Переслав., Ростов., Углич. Яросл., Костром., ср. **ребró**. В этой же зоне отмечены: вариант с переходом **е > о** и переносом ударения на первый слог – **ёбро** ‘ребро’ Ильин.-Хован. Иван., Брейт., Борисоглеб., Бурмак., Некрас., Ростов., Рыбинск., Углич., Яросл. Яросл.; уменьш.-ласк. **éбрышко** ‘ребро’ Ростов. Яросл.; местное новообразование **ебрачóк** ‘узкий край какого-либо предмета, ребро’ Ильин.-Хован. Иван.

В вологодских и архангельских говорах бытуют слова **ёдра** ‘корова красной масти’ Сев.-Двин., **едрúха** ‘то же’ Тотем. Волог., Сев.-Двин., **éдрый** ‘желтый с красным, бурым оттенком’ Арх., Волог., ‘желто-красноватый, бурый, рыжий’ Тот., Вол., Кадн., Вел., В.-Уст., Ярен. Волог.

В пределах архангельско-вологодского ареала употребляется группа слов с исходным корнем **редр-**, перемежаясь с **едр-**: **réдрый** ‘рыжий (о рогатом скоте)’ Арх., Шенк. Арх., Волог., **réдрый** ‘то же’ Беломор., **réдра** ‘пестрая белоголовая корова’ Сольвыч. Волог., Волог., **réдра** ‘кличка рыжей коровы’ Волог.; ‘некрасивый, с рыжими волосами (о человеке)’ – **réдрый** Арх., Вельск. Арх., **réдрый** Арх., Беломор., **réдра** Шенк. Арх.

2. Появление протетического гласного перед плавным: **ta- > ata-**

Предположение о влиянии структурных особенностей слов тюркских языков на внешний облик некоторых лексем русских говоров впервые высказал Ф. П. Филин, отмечавший наличие протетического гласного перед звуками **р**, **л** в словах типа **арепéйник** (< **репéйник**), что характерно и для заимствований в тюркских языках [14: 31–32]. Ученый подчеркивает неоднородное происхождение лексем с протетическим гласным: 1. Такие варианты, как **алачúга**, **олачúга**, сопоставляемые с более известным **лачúга**, «сохраняют структуру слов, как она была представлена в тюркских (в других случаях – в иных) языках, откуда были произведены заимствования» [15: 323]. 2. Наблюдается закономерность наличия начального гласного в большинстве слов в позиции перед плавными **р**, **л**, губными **б**, **м** и сочетаниями согласных [15: 324].

В описываемом материале в большинстве случаев протетический гласный появляется перед одиночным плавным **р-** или **л-**.

Довольно часто модифицируются слова с начальным твердым плавным звуком перед гласным [а]. Значительная доля примеров приходится на слова с начальным **р-**: **ра-** > **ара-**, **ора-**. В словарях зафиксированы следующие варианты: в русских говорах Якутии **арáма** ‘рама’ Н.-Кол., уменьш. **арáмочка** Аллаих., Н.-Кол., **арáно** ‘рано’ Аллаих., Н.-Кол., **арáньше** ‘раньше, прежде, в прошлом, в старину’ Н.-Кол., У.-Ян., ср. **ráма**, **ráно**, **ránье**; в вятских говорах **арахмáнный** и **орахмáнный** ‘вялый, хворый’ Яран. Вят., ‘дурной, не в обычном настроении’ В. Шжм., Б. Хлн., Свт., Ярс. Вят., ср. **рахмáнный** ‘вялый, медлительный, непроворный, нерасторопный’ Вят., Костром., Яросл., Волог., Влад., Калин., Тамб., Нижегор., Казан., Самар., Орл., Курск., Тул.; в архангельских говорах **орáйский**, в записи **арáйский** ‘райский’ Шенк. Арх., ср. **ráйский**.

Реже протеза обнаруживается в словах с начальным **л-**: **ла- > ала-**, **ола-**: **алáндыш** ‘ландыш’ Нев. Пск., **олáндышек** ‘ландыш’ Вн. Koch. Морд., ср. **лánдыши**, **алáтина** – вариант к латини ‘жердь, идущая на устройство крыши, забора’ Op. Пск., ср. **латíна** ‘тонкая жердь, слега, идущая на обрешетку стропил; решетина’ Орл., Пск., Смол.

Заметим, что при решении вопроса об исходном элементе в паре слов с протезой и без нее следует учитывать этимологию слова, употребляющегося в русском языке. При формальном сопоставлении общеизвестного слова без протезы и диалектного с протезой можно допускать ошибки в определении исходного слова. Например, слово **урундúк** ‘скамья, лавка для сиденья с ящиком; рундук’ Пораб. Том., Иркут., сопоставляемое с широко известным, вошедшим в литературный язык словом **рундúк** ‘ларь для зерна, муки и т. п.’ Калуж., Брян., Смол., Сарат., Новосиб., Верхнелен., не следует относить к разряду экstenциальных⁴. По мнению А. Е. Аникина, слово **рундук** произошло «из тюрк. источника типа *orunduq – urunduq ‘место для сидения или лежания’». При усвоении данного слова в русском языке произошло отпадение начального **у-**.

Протеза развивается и перед плавным с последующим гласным [у]. Зафиксированы примеры с протезой **у-** перед **р-** и **л-**: **урýсый** ‘русый’ Медвежьевогор. Карел., ср. **ру́сый**; **улúпы** ‘глаза’: «Улúпы – глаза, которые лупят праздно, из любопытства» Южн. Горьк., ср. **лу́пы** ‘глаза’ Олон., Перм., Урал, **лúпалы** – о глазах Пск., Смол., Курск., Калуж., Орл. С корнем **луп-** в говорах употребляется много слов для обозначения глаз, а также признаков и действий, с ними связанных: **лúпалки**, **лупáтый**, **лупáстый**, **лúпать**, **лúпачи**, **лупашí**. Отмечен единичный случай с протезой **о-**: **олúчшой** ‘лучший’ Н.-Кол. Якут., ср. **лúчший**.

Единичный случай – преобразование **ро-** > **аро-**: **аромáшка** ‘ромашка лекарственная’ Алап., Богд., Копт., С.-Лог., Тур. Ср. Урал, ср. **ромáшка**.

Протетический гласный **и**- представлен в слове **и́руш** ‘рюш’ Ст. Уральск., отражающим также мену твердого и мягкого согласного в корне слова.

Протетический гласный развивается и перед мягким начальным **р**'-. При этом в словах с плавным, находящимся перед гласным [a], иногда появляется протеза **а**- или **у**-: **ря-** > **аря-**, **уря-**. Обнаружены единичные примеры: **арясны́й** ‘обильный (о ягоде)’ и **арясно** ‘обильно’ Лен. Якут., ср. **рясны́й** ‘густо, обильно усыпанный плодами, ягодами, кистями ягод; урожайный (о деревьях, кустарниках, растениях)’ Южн.-Сиб., Зап.-Сиб., Алт., Том., Кемер., Енис., Краснояр., Прибайкалье, Иркут., Забайкалье, Вост.-Сиб., Сиб., Приамурье, Амур, Вост.-Казах., Рост., Дон., Ворон., Кубан., Ставроп., Краснодар., Зап.-Брян., ‘густой, обильный’ и **рясно** ‘обильно, много’ Дон., Краснодар., Кубан., Горно-Алт., Кемер., Том., Прииртышье, Краснояр., Прибайкалье, Иркут., Амур, Хабар., Алт., ‘густо, обильно’ Лен. Якут.; **урядно** ‘толстый холст’. Ср. Прииртышье, ср. литературное **рядно** ‘толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи; изделие из этого холста’; **урядом** ‘один подле другого; рядом’ Одесск., ср. **рядом**.

Плавный может находиться перед гласным [Э]: **ре-** > **аре-**, **оре-**. Преобразованию подвергаются слова с корнем **рел'** / **рел-**, в части которых отражается переход **е** > **о**. В русских говорах широко распространены слова с этим корнем: I. **рёли** ‘качели’ Ряз., Моск., Твер., Пск., Новг., Ленингр., Печор., Яросл., Влад., Нижегор., Казан., Пенз., Симб., Куйбыш., Калуж., Тул., Смол., Брян., Орл., Курск., Липецк., Тамб., Ворон., Дон., Сарат., Волгогр., Том., Краснояр.; **рёлины** ‘качели’ Любим. Яросл.; **рёлка** ‘виселица’ Колым. Якут.; ласк. **рёлюшки** ‘виселица’ Сердоб. Сарат.; II. **рель** ‘часть, полоса обрабатываемого участка земли, пашни, луга’ Ленингр., Новг., Яросл., Пск., Новорж. Калин.; **рёли** ‘участок земли (какой?)’ Масл. Яросл., Яросл.; **рёлка** 1. ‘возвышенность, холм, обычно продолговатая грязь среди равнины или в лесу’ Сев., Вост., Сиб., Пск., Калин., Арх., Свердл., Амур., Хабар., 2. ‘сухое возвышенное место, грязь среди болота или низменной местности’ Мезен., Шенк. Арх., Перм., Вят., Киров., Калин., Моск., Мурман., Свердл., Иркут., Север., Вост., Сиб., Поозер. Новг., Олон.; 3. ‘небольшой остров’ Урал., 4. ‘песчаный бугорок в мелководной реке’ Арх., 5. ‘возвышенное место на берегу’ Беломор.

С протезой зафиксированы следующие варианты в двух группах слов с омонимичным корнем: I. **арёли**¹ ‘качели’ Верх. Орл., ‘веревочные качели’ Пск.; **орёлина** ‘качели’ Любим. Яросл.; **орёлюшки** ласк. 1. ‘качели’ Смол., 2. ‘виселица’ Смол.; **орёлка** ‘столб, на котором крепится колодезный журавль’ Шуйск. Влад.; II. **арёли**² ‘участок земли’ Первомайск. Яросл.; **орёлка** 1. ‘сухое возвышенное место, холм среди низины (иногда поросший лесом)’ Арх., Сев. океан., Беломор., Север., 2. ‘мыс в месте слияния рек’ Арх., Беломор., Сев. океан.. Север.; **орёлок** 1. ‘то же, что орёлка 1’ Север., 2. ‘небольшая круглая поляна

среди леса’ Северн. часть Твер.; **арёлка** ‘высокое сухое место на реке’ Афн. Вят. Ареал данных экспенциальных лексических единиц рассеянный, охватывает отдельные точки преимущественно Западной и Северной зон.

Протеза развивается и в словах с корнем **репей-**. В южнорусских говорах распространено слово **орепёй** ‘сорное растение репейник’ Нижнедев. Ворон., Болх., Лив., Малоарх. Орл., Курск., Тамб., Ряз. Мещера., Ряз., Дон., Калуж., Казаки-некрасовцы, ср. **репёй** ‘колючая головка, соцветие репейника’, ‘репейник’. Другие образования известны в Южнорусской зоне и в говорах Южного Урала: **арепёйник** ‘репейник’ Хот. Орл., **орепёюшек** ‘садовый цветок [какой?] с небольшим шарообразным соцветием лилового цвета’ Казаки-некрасовцы, **орепёйник** ‘репейник аптечный’ Морш. Тамб., ‘бодяк болотный’ Курск., ‘заросли репейника’ Уральск. **орепёйный**: **орепёйная трава** ‘репейник’ Оренб.⁵ Ср. также **орыпей** ‘репейное масло’ Введ. Одесск.

Протеза представлена и в слове **орёшка** ‘при игре в «корлянку» положение упавшей на землю монеты гербом («орлом») вниз («решкой»)’: *Если пятак упадет «корешкой», значит проиграл.* Кол. Уральск. Исходное слово – просторечное **réшка** ‘сторона монеты, на которой обозначена ее стоимость’.

Протеза перед мягким **л**'- отражена в словах: **алéнь** ‘рыба-линь’ Мещов., Жиздр. Калуж., ср. **лень** ‘рыба Tinca vulgaris L., сем. карповых; линь’ Урал., Вят., Перм., Тобол., Ср. Прииртышье, Влад., Костром., Моск., Твер., Калуж., Курск., Пск., Смол., Нижегор.; **алéсливый** ‘льстивый’ Красноуф. Перм., ср. **лесливый** ‘льстивый’ Сиб., Онеж. КАССР; **алилéя** ‘лилия, настурция’ Дон., ср. **лилéя** ‘растение Lilium L., сем. лилейных; лилия’ Смол., Зап. Брян.; **алилóвый** ‘цвета сирени или фиалки; светло-фиолетовый’ Вл., Оп. Пск., **алилóвенький** ‘лиловенский’ Соликам. Перм., ср. **лилóвый**; **алипа** ‘липа’ Жиздр. Калуж.

В отношении степени вхождения нового слова в лексическую систему говора интересно слово **алимáн** ‘низина, заливаемая вешней водой’ Дон. ‘болотистое озеро, поросшее камышом’ Дон., ср. **лимáн** в этих же и близких значениях Азов., Дон., Казаки-некрасовцы, русск. гов. Арм. ССР, Мстин., Новг. Новг., Самар., Сарат., Пестр. Куйбыш., Терск., Иссык-Кульск., Новорос. Данная экспенциальная лексическая единица послужила основой для образования новых слов: **алимáнцы** и **алимáновцы** мн. ‘соленные озера, месторождения соли’ Дон. Этот факт ярко демонстрирует устойчивый характер лексического варианта с иноструктурным признаком в лексической системе донских говоров, его способность к новому словоизобретству, не повторяющему аналогичные модели словообразовательного гнезда исходного слова: в использованных источниках не отмечены единицы без начального **а**, соответствующие двум последним словам – **алимáнцы** и **алимáновцы**.

Южнорусским говорам широко известно слово **алимён** ‘лимон’ Ворон. Курск., Орл., Ряз., Дон., Калуж., Тул., Влад.; ограниченную географию имеют лексемы с этим же значением: **алимёний** Мокш., Соликам. Перм., уменьш.-ласк. **алимёнчик** Дон., Дубен. Тул.

Зафиксированы случаи развития протезы перед сочетанием плавного с другим согласным по формуле **tt-** > **att-**. Это касается двух исходных слов – **ръяный** и **ртуть**: **оръяный** ‘сильный, ръяный’ Троснян. Орл.; **артуть** Куеда Перм., **ортуть** Березовский завод Урал., **ортуть** без указ. места, **иртуть** ‘ртуть’ Новос. Тул., **иртутный** ‘ртутный’ Кот. Уральск. Ср. также известные прибалтийско-финские соответствия: кар. ск. *artuł'i* Весьегонск Весьег. Твер., Валдай Валд. Новг., ливв. *artugo* Кондуди Лод., люд. *artut'* Галлазеро Кондоп., *artug* Михайловское Олон., вепс. сев., срд., южн. *Artut'*, саам. *Artut*. Вариант **ортуть** был зафиксирован английским путешественником Р. Джемсом в говоре г. Холмогоры: «*ortout, quis-silwer* – ртуть – *ortuttu*» Холмог. Арх. [4: 141].

3. Метатеза начального плавного и последующего гласного

Метатеза начальных звуков отмечена в разных, отдаленных друг от друга говорах. Отмечены преобразования **ро-** > **ор-**: **оргáлина** ‘раздвоенный ствол’ Люб. Новг., ср. **рогáлина** ‘деревянная палка с развиликой на конце’ Приамурье; **орженица** ‘роженица’ Фёд. Башкир., ср. **роженица**; **ру-** > **ур-**: **урбáнок** ‘столярное орудие для выравнивания, выглаживания дерева; рубанок’ Обоян. Курск., ср. **рубáнок**; **ре-** > **эр-**: **эрбéнок** ‘ребенок’, уменьш.-ласк. **эрбéночек** Н.-Кол., ср. **ребéнок**; **ли-** > **ил-**: **ильтератúра** ‘литература’ Лен. Якут., ср. **литератúра**.

Яркие случаи подобного явления отмечены в говоре уральских казаков. При этом возможны различные модификации:

1. Сочетание твердого [р] с гласным [о] при метатезе не меняет характера составляющих звуков: **оргово́й** ‘роговой’ Р. Урал, ср. **рогово́й** ‘рогатый (о скоте)’ Новг., Моск.

2. Сочетание мягкого [р̄] с гласным [э] в безударной позиции при метатезе сопровождается переходом [э] в [и]: **иракти́вный** ‘реактивный (?)’, **ирмати́зм** ‘ревматизм’, **ирмíз** ‘ремез, вид синицы’, **ирмизи́н** ‘относящийся к ремезу – синице’.

Особо следует остановиться на слове **ирмади́ть** ‘что-либо делать, сооружать, изобретать’ Оз., Кирс., Нуц., Сер. Уральск. Его исходная лексема **ромади́ть** ‘мастерить, сооружать, строить что-либо замысловатое’ Р. Урал, ‘делать что-либо медленно, копаться’ Перецов. Оренб., ср. также **ромоди́ться** ‘хлопотать, много работать’ Чаг. Волог., ‘суетиться, торопиться, спешить’ Выт. Волог. Начальный звук **и-** вместо ожидаемого **о-** (*op- < po-*) возник, по-видимому, под влиянием параллельно существующих в русских говорах закономерных вариантов лексем с претитическими **и-** и **о-** типа **оржано́й** и **иржано́й** (< *p[ъ]janoy*). Данную метатезу – **ир-** < ([*op-*]

< *po-*) – следует считать вторичным экстенциальным признаком, так как в анлауте исходного слова содержалось консонантное сочетание **гр-**: **ромодá** 1. ‘беспокойство, заботы’ Уст., Чаг. Волог. ‘дело, занятие, доставляющее много забот, хлопотливого труда; возня, хлопоты’ Мош. Новг., 2. ‘тот, кто много работает’ Чаг. Волог. ‘беспокойный человек’ Дем. Новг., Тихв. Ленингр. Данное слово этимологически связано с **громадá**, **громоздкий**, как считает Фасмер, вслед за Микколай. В южнорусских говорах сохранился глагол **громадít** ‘сгребать сено в кучу’ Ворон., Курск., Дон., Новоросс., ‘грести веслами’ Дон., который имеет родственные образования в славянских языках с ядерной семой ‘собирать, складывать’, восходящие к праславянскому слову **gromaditi*.

3. При метатезе звуков [р̄] и [э], [р̄] и [а] перед гласными находится звук [j]: **ерестр** ‘реестр’ [6: 99], **ярмáг** ‘раймаг, районный магазин’ Таш., Ур. Уральск, ср. **раймáг**. При этом существенно отметить наличие звука [j] в середине исходной формы данных слов, что дает основание видеть здесь метатезу не двух, а трех звуков: [*p'ej-*] > [*jэр'-*], [*raj-*] > [*jar-*]. Наличие [j] перед гласными [э] и [а] продиктовано, вероятнее всего, отсутствием в русском языке исконных бесприставочных слов с начальными э- и а-.

4. Метатеза плавного [л] с гласным коснулась и служебных частей речи: **ильбо**, разделит. союз ‘или, либо’: *Высытай поединников, ильбо сам выходи: не то покорись и дань плати*. Скв. Уральск.

5. Реже используется метатеза слогов, первый из которых содержит начальный плавный: **дугáра** ‘радуга’ < *räduga* Ал. Уральск [6: 98].

4. Мена плавных звуков р ~ л

Мена плавных звуков в позиции начала слова отмечена у нескольких слов. Звук **р-** в соответствии с **л-** зафиксирован в слове **рипóк** ‘бабочка’ Чудов. Новг., ср. **липóк** ‘бабочка, мотылек’ Новг., Волог., Сиб., Верхоян. Якут. Широко известное на Севере слово **лýпка** ‘бабочка, мотылек’, по Фасмеру, связано с олонецк. *liipoi* – то же, фин. *liippo*. Начальное **р-** заменено звуком **л-** в слове **лýнда** ‘дождь, сырья ненастная погода’ Кем. Карел., ср. **рýнда** ‘снег с дождем; мокрый снег; сырья холодная погода’ Мурман., Карел., Арх., Ленингр., восходящее к вепс. *ränd* ‘сырая, холодная погода, слякоть, мокрый снег’ [10: 6–7]. При рассмотрении слов с меной сонорных и решении вопроса об исходной, первичной лексеме важную роль играют такие факторы, как география каждого из сопоставляемых в русском континууме, наличие или отсутствие формальных и семантических соответствий в соседних неродственных языках, в частности прибалтийско-финских для слов **рипóк** – **липóк**, **лýнда** – **рýнда**. Отметим как существенный факт возможное отсутствие в русских говорах одного из элементов пары, отражающей мену сонорных, наличие только модифицированного слова. Примером такого слова, возникшего на прибалтийско-финской базе, является слово **лýстега**

‘тонкий лед при ледоставе’, этимологически восходящее к карел. *riito, riite* ‘тонкая ледяная корка, пленка льда’ [10: 6]. Данное слово можно интерпретировать как неочевидную, «скрытую» экстенциальную единицу, отражающую неустойчивый характер плавного звука **p**- при адаптации иноязычной лексемы в русском говоре.

Основываясь на противопоставленности относительно узкого и более широкого ареалов, отметим, что начальный **л**- на месте **p**- представлен в словах **ляхлый** ‘больной, вялый, квёлый’ Ост., Фир. Твер., ср. **ряхлый** ‘старый, дряхлый’ Сок. Волог., ‘беспомощный, слабый’ Южн. Урал.; **ляшки** ‘старая, плохая одежда, белье; тряпки’ Ник. Волог., ‘тряпки’ Ус., Част. Перм., ср. **ряшки** ‘старая, рваная одежда; тряпье’ Сол. Перм., **ряшóк** ‘повседневная поношенная одежда’ Плес. Арх., ‘тряпка’ Олон. Оставляем в стороне этимологическую составляющую, по-видимому, связанную со славянскими языками, поиск которой требует привлечения большого по объему материала с исконными корнями *rux-* / *rjaх-*. Пока только есть основания предполагать родство обоих слов с *rjaх-*, а следовательно, и **лях-**. Учитывая функционирование слов с **л**- (<**p**-), можем констатировать появление слов **ляхлый** и **ляшкí** в результате влияния иноструктурной языковой системы, для которой непривычны начальные плавные.

5. Модификация слов с вторичным **p**-/л-анлаутом

1. Упрощение **ttat-** > **tat-** с последующим развитием метатезы > **att-**

Метатеза может осуществляться на втором этапе преобразования внешнего облика слова. Это происходит в случаях, когда сначала упрощается сочетание согласного с плавным в позиции анлаута под влиянием агглютинативных языков, не знающих скопления согласных в начале слова [3: 528], [5: 119]. Яркий пример – преобразование сочетания **гл'у-** [> **л'у-**] > **ул'**: **улькóза** ‘глюкоза’ Лен. Якут., ср. **глюкóза**. Вероятно, подобному изменению подверглась и лексема **слóво** в говоре уральских казаков, модифицировавшаяся до варианта **блva** ‘слово’: **слóво** – **олва**, **рука** – **граница** (честное слово; формула как бы клятвы)⁶ Ур., Буд. [6: 68]. Предполагаем не зафиксированный в словаре Н. М. Малевичи, как и в других словарях, промежуточный вариант: **слóво** > **[лóво]** > **блva** > **блva**, при этом в иноязычном окружении меняется морфологическая характеристика, выраженная окончанием **-a**. Как и в слове **улькóза** (<**глюкóза**), здесь наблюдается чересступенчатое фонетическое преобразование экстенциального характера:

говор не приемлет первого варианта, возникшего в результате упрощения группы начальных согласных, так как в нем начальные плавные согласные также не поддерживаются иноязычной системой тюркского языка, в котором нет исконных начальных плавных [7: 347], [12: 158].

2. Упрощение **tt-** > **t-** с последующим развитием протезы > **at-**

Упрощение сочетания взрывного согласного с плавным и появление протезы отмечено в говорах Южного Приуралья и Прииссыккулья: **арабéльки** ‘грабельки’ Крутой Каменск. Уральск., ср. **grábelki** уменьш. и ласк. ‘грабли’. Ср. в говорах Западной зоны наличие протезы перед сочетанием согласных в производящем слове: **агráбли** ‘грабли’ Себ. Пск., Бельск., Вел., Дем. Смол. **Орехáть** ‘болтать вздор, пустяки; пустословить’, **орехлó** ‘пустомеля’ Прииссыкул. Киргиз. ССР, ср. простореч. **брéхáть** ‘лгать, клеветать’, **брéхáло** ‘болтун человек, говорящий вздор, пустяки’ Пск., Осташк. Твер., **брéхлó** ‘тот, кто имеет привычку ругаться, ссориться’ Пск., Смол. Смол., Тул., ‘лгун’ Мещов. Калуж., Курск., Тул., Барнаул.

3. Метатеза звуков в сочетании носового согласного с плавным с последующим развитием протезы. Действует формула: **nr-** > **rn-** > **orn-**. Примеры единичны: **орнáвиться** ‘нравиться’ Куйбыш., **орнови́стый** ‘с норовом, норовистый’ Ряз. Мещера, ср. **риáвиться** ‘нравиться’ Горбат. Нижегор., Влад., Казан., Калуж., Сарат., **рнав** ‘нрав’ Переясл. Влад., Нижегор., Казан., Арх., Пск., **риáвный** Пск., при исходных лексемах с корнями **нрав-**, **норов-**.

Итак, представленный материал показывает разнообразие процессов воздействия иноструктурной языковой системы на русскую лексику. Если иметь в виду, что идентификаторами формального варьирования слова являются одинаковая семантика, «незначительность формальных различий, сохранение материальной общности корневой морфемы, наличие в составе колеблющихся форм слова иерархически старшей, эмической единицы – исходной формы слова» [2: 11], то значительная доля лексических единиц, разными путями освободившихся от начальных плавных **p**- и **л**-, следует отнести к самостоятельным лексемам. Основная территория бытования рассмотренной лексики – Урал и восточнее Урала, вплоть до Колымы; лексика европейской части России в меньшей степени подвержена изменениям. Окончательные выводы делать преждевременно: вполне возможны уточнения по составу описываемой лексики.

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Географические пометы соответствуют данным использованных словарей, список которых приводится в конце работы. При каждом словаре указываются номера тома/выпуска и страницы, фиксирующие представленные в тексте статьи слова. К сведениям областных словарей, в которых указываются только сокращенные названия районов, добавляются обозначения областей (напр., вместо Оп. дается Оп. Пск.).

² О географии этих слов см. [9: 281–283].

- ³ Во второй части слова **укотéльник** наблюдается замена дрожащего звука боковым, приобретшим закономерную позиционную мягкость; [р] > [л] > [л'].
- ⁴ Включение слова **урундúк** в «Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах» [8: 297] считаем ошибочным.
- ⁵ В «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи в качестве заглавных слов представлены фонетические варианты **арипéй** ‘репей, репейник’ Соб., **арипéйник** ‘заросли репейника’ Ур., **арипéйный**, -нъ, – ‘прил. к арипей’ Соб. Уральск.
- ⁶ В словарной статье РУКА Н. М. Малеча использует другой вариант данной пословицы: *Слово – закон, рука – граница. Дай, господи, сродниться (говорится при согласки на свадьбу)*. Нук., 1943. Этот же вариант представлен и в статье СЛОВО.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заемствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с. (С. 466).
- Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15. М.: Изд-во Московского ун-та: Наука, 1980–2013 (1: 66).
- Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Вып. 1–4. Якутск: Изд-во Якутского ун-та, 1997–2007 (1: 24, 30, 33; 2: 106; 3: 116; 4: 26, 102, 105, 158).
- Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002–2003 (1: 65, 68–69, 442; 2: 125, 130; 3: 68, 76, 561; 4: 107).
- Меркуерьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1979. 183 с. (С. 19).
- Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / Под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–10. Киров: Кировская областная типография, 1996–2016 (1: 29).
- Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. Б. А. Ларина, И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой и др. Вып. 1–24. Л.: СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–2013 (1: 58, 68; 7: 167; 16: 453, 491, 524; 17: 69).
- Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–6 / Под ред. А. С. Герда. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2014 (3: 245).
- Словарь брянских говоров. Вып. 1 / Ред. В. И. Чагищева. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1976. 76 с. (С. 19–20).
- Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская; Л. Ю. Зорина. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007 (4: 66).
- Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–VI. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014 (1: 140).
- Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; Под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с. (С. 21, 299).
- Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013 (II: 723).
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (3: 351; 6: 84, 461; 12: 1225, 1300, 1667).
- Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2005 (С. 176).
- Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Диляторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2006 (С. 120, 434).
- Словарь орловских говоров / Сост. Т. В. Бахвалова; К. С. Корниловская и др. Вып. 1–15. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского; Орёл: Орловский гос. ун-т, 1989–2008 (1: 41, 46–47).
- Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2000, 2002 (1: 12, 500; 2: 312).
- Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 2008. 405 с. (С. 242).
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005 (3: 178; 4: 195, 234; 5: 530, 581, 617; 6: 599).
- Словарь русских говоров Одесчины. Т. 1–2. Одесса: АстроПринт, 2000–2001 (1: 354).
- Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с. (С. 10, 374, 540).
- Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–48. М.; Л.; СПб.: Наука, 1967–2015 (1: 229, 231–232, 238–239, 247–249, 266, 269; 3: 176; 177, 218; 8: 311, 324; 7: 149; 12: 184, 210; 16: 252, 288, 357, 372; 17: 47, 55, 57, 198–199, 221, 222; 23: 178, 189, 326, 330, 334, 335, 336, 345, 346, 349; 34: 341, 343; 35: 22, 47–48, 50, 51, 85, 104, 107, 118, 125, 171, 260, 310–311, 356, 358, 360; 47: 85–86, 106–107, 148, 320; 48: 17–18, 28–29).
- Словарь смоленских говоров / Под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005 (1: 63, 267, 268; 9: 150; 11: 176).
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965 (3: 351; 6: 84, 461; 12: 1225, 1300, 1667).
- Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007. 347 с. (С. 31).
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: ОГИЗ, 1936–1940 (1: 187).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973 (2: 468, 499; 3: 500, 517).
- Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1–39. М.: Наука, 1974–2014 (7: 137).
- Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Вып. 1–10. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991 (1: 23; 4: 32; 7: 42).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блинова О. И. К вопросу о пределе формального варьирования диалектного слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 1. Новосибирск, 1972. С. 99–108.
- Богословская З. М. Диалектная вариантология: Лексикологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006. 39 с.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 527–529.
- Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 424 с.
- Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 108–213.
- Малеча Н. М. О перестановке звуков в словах (На материале диалекта уральских казаков). Уральск: Издание Западно-Казахстанского отдела Географического общества СССР, 1963. 119 с.

7. Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Отв. ред. Л. Г. Зубкова. М., 2003. 395 с.
8. Михайлова Л. П. Словарь экспенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск: Изд-во КГПА; М.: ООО «Вариант», 2013. 352 с.
9. Михайлова Л. П. Экспенциальные и исконные фонетические диалектизмы в русских говорах // XLIII Международная филологическая конференция, Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 г.: Избранные труды. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 278–288.
10. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб.: Наука, 2003. 360 с.
11. Сердюкова О. К. К вопросу о взаимодействии русских говоров с языками других систем // Говоры территории позднего заселения: Межвуз. сб. Вып. 1. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. С. 119–127.
12. Тенишев Э. Р., Потсюевский Е. А., Дыбо А. В. Турецкие языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия: В 3 т. / Ин-т языкоznания. Т. 3. М.: Наука, 2005. С. 154–168.
13. Трубачев О. Н. *lalok/*laloka // Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 14. М.: Наука, 1987. С. 23–24.
14. Филин Ф. П. О лексикализированных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования) / Ред. Ф. П. Филин. М.; Л., 1966. С. 27–34.
15. Филин Ф. П. Очерки по теории языкоznания. М.: Наука, 1982. 335 с.

Mikhaylova L. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MODIFICATION OF RUSSIAN LEXIS IN MULTI-ETHNIC AREA (WORDS WITH INITIAL LIQUID CONSONANTS)

The author describes the lexis of Russian sub-dialects, that originated from the words with initial liquid consonants and modified phonemic structure of the root morpheme. The lexis is classified according to the detected processes of anlaut-transformation from **п-** and **л-**: when the liquid consonant is lost (алаки < лалаки, рукотер < укотерат, иловый < лиловый, ебро < ребро); when a prosthetic vowel before a liquid consonant is manifested (орайский < райский, улулы < лулы); when there is metathesis of initial sounds (урбáнок < рубáнок, ерестр < пеестр); exchange of liquid tones (рипок < липок, лянда < рянда). The features given above are found out in the group of words with secondary, “intermediate” **п-/л-anlaut** (арабéльки < грабельки, ульказа < глюказа). The author also gives an areal description of modified lexis. The changes are caused by the impact of agglutinating languages on the Russian lexis during the long co-existence of ethnics on the Russian territory.

Key words: dialect lexicography, ethno-lingual contacts, phonetic processes, structural transformations, anlaut

REFERENCES

1. Блинова О. И. On the problem of the limit of dialectism formal variation [К вопросу о пределе формальности вариантизма диалектного слова]. *Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya*. Issue 1. Novosibirsk, 1972. P. 99–108.
2. Боголюбская З. М. *Dialektnaya variantologiya: Leksikologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty*: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Dialect variantology: lexical and lexicographic aspects]. Tomsk, 2006. 39 p.
3. Гаджиева Н. З. Turkic languages [Tyurkskie yazyki]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* / Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 527–529.
4. Ларин Б. А. *Russko-angliyskiy slovar'-dnevnik Richarda Dzhems'a (1618–1619 gg.)*. [Russian-English dictionary: diary of Richard Dzhems]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. 424 p.
5. Лыткин В. И. Comparative phonetics of Finno-Ugrian languages [Sravnitel'naya fonetika finno-ugorskikh yazykov]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)*. Moscow, 1974. P. 108–213.
6. Малечка Н. М. *O perestanovke zvukov v slovakh (Na materiale dialekta ural'skikh kazakov)* [On hyperthesis in words (As exemplified in Ural Kozaks' dialects)]. Uralsk, Izdanie Zapadno-Kazakhstanskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR, 1963. 119 p.
7. Мельников Г. П. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [Holistic typology of languages: principles, methods, models] / Ex. ed. L. G. Zubkova. Moscow, 2003. 395 p.
8. Михайлова Л. П. *Slovare' ekstentsial'nykh leksicheskikh edinits v russkikh govorakh* [Dictionary of existential lexical items in Russian dialects]. Petrozavodsk, Izd-vo KGPA; Moscow, ООО “Variant” Publ., 2013. 352 p.
9. Михайлова Л. П. Existential and primordial phonetic dialectizms in Russian dialects. [Ekstentsial'nye i iskonnnye foneticheskie dialektizmy v russkikh govorakh]. *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 11–16 marta 2014 g.: Izbrannye trudy*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2015. P. 278–288.
10. Мызников С. А. *Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada* [Atlas of substrate and borrowed lexis of Russian north-western dialects]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 360 p.
11. Сердюкова О. К. On the problem of Russian dialects interaction with languages of other systems [К вопросу о взаимодействии русских говоров с языками других систем]. *Govory territoriy pozdnego zaseleniya: Mezhvuz. sb.* Issue 1. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1977. P. 119–127.
12. Тенишев Э. Р., Потсюевский Е. А., Дыбо А. В. Turkic languages [Tyurkskie yazyki]. *Yazyki narodov Rossiiyiskoy Federatsii i sosednikh gosudarstv: Entsiklopediya*: V 3 t. / In-t языкоznaniya. Vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 2005. P. 154–168.
13. Трубачев О. Н. *lalok/*laloka [*lalok/*laloka]. *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Issue 14. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 23–24.
14. Филин Ф. П. On lexicalized phonetic-morphologic variants of words in Russian dialects [O leksikalizirovannykh fonetiko-morfologicheskikh variantakh slov v russkikh govorakh]. *Leksika russkikh narodnykh govorov (Opyt issledovaniya)* / Ed. F. P. Filin. Moscow, Leningrad, 1966. P. 27–34.
15. Филин Ф. П. *Ocherki po teorii yazykoznaniya* [An outline of linguistic theory]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 335 p.